

Артур Копап Дойл

СЭР НАЙДЖЕЛ
♦
БЕЛЫЙ ОТРЯД
♦
ИЗГНАННИКИ

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Д 62

Arthur Conan Doyle
SIR NIGEL
THE WHITE COMPANY
THE REFUGEES

Перевод с английского
Ирины Гуровой, Георгия Злобина,
Владимира Скороденко, Веры Станевич

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Виктории Манацковой

Иллюстрация на обложке Сергея Шикина

В оформлении книги использованы иллюстрации
Артура Твидла («Сэр Найджел»),
Ньюэлла Конверса Уайета («Белый отряд»),
Туре де Тулструпа («Изгнанники»)

- © И. Г. Гурова (наследник), перевод, 2026
- © Г. П. Злобин (наследники), перевод, 2026
- © В. А. Скороденко (наследники), перевод, 2026
- © В. О. Станевич (наследники), перевод, 2026
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-31581-5

СЭР НАЙДЖЕЛ

ПРЕДВАРЕНИЕ

Дама История столь строга, что всякий, кто, по неразумию, позволит себе допустить с ней вольность, обязан незамедлительно загладить свой проступок чистосердечным признанием и раскаянием. В этом повествовании некоторые события ради стройности и гармоничного развития сюжета перемещены во времени на несколько месяцев. Надеюсь, что такое малое отклонение спустя пять с половиной столетий — грех прощительный. В остальном же историчность соблюдалась настолько точно, насколько позволяло тщательное и усердное изучение источников.

Вопрос о языке эпохи в исторических произведениях всегда требует такта и вкуса. В 1350 году высшие классы Англии все еще изъяснялись на нормандско-французском, хотя уже порой снисходили до английского. Низшие классы говорили на том английском языке, на котором создавалось «Видение о Петре Пахаре», то есть для современного читателя даже еще более трудном, чем французский их господ. Поэтому автору пришлось ограничиться попыткой воссоздать общий строй и манеру их речи, иногда вводя те или иные архаизмы для передачи ее стиля.

Я отдаю себе отчет в том, что современным читателям многие эпизоды могут показаться жестокими и отвратительными. Однако бессмысленно рисовать двадцатый век и именовать его четырнадцатым. Время было гораздо более суровое, а моральный кодекс, особенно в отношении жестокости, был совсем иным. В романе нет ни единого эпизода, для которого нельзя найти подтверждения в источниках. Изысканные законы рыцарственности были лишь тонкой пленкой на поверхности жизни, а под ней прятались варварство и звериная жестокость, чуждые милосердию. Это была грубая, нецивилизованная Англия, полная стихийных страстей, искупаемых

лишь такими же стихийными добродетелями. Вот такой я и стремился ее изобразить.

Каким бы ни получился роман, но своим созданием он обязан множеству книг. Я смотрю на свой письменный стол и радостно прощаюсь с теми из них, которые еще лежат на нем. Я вижу «Средние века» Лакруа, «Искусство войны» Омана, «Общее гербоведение» Ритстепе, «Историю Бретани» Бордери, «Книгу Сент-Олбенса», «Хронику Жослена Брейклонда» и «Старую дорогу» Бернерс, «Старинные доспехи» Хьюитта, «Геральдику» Куссена, «Оружие» Бутелла, «Чосеровскую Англию» Брауна, «Сцены Средневековья» Каста, «Бродячую жизнь» Джасренда, «Кентерберийских паломников» Уорда, «Рыцарство» Корниша, «Британского лучника» Хастингса, «Развлечения» Стратта, «Фруассара» Джонса, «Искусство стрельбы из лука» Харгрува, «Эдуарда III» Лонгмена, «Нравы и обычаи» Райта. Много месяцев они и многие другие были постоянными моими собеседниками. Если почерпнутое из них я не сумел слить воедино с должной силой, вина моя.

*Андершо
Октябрь 1906 года
Артур Конан Дойл*

Глава I

БЛАГОРОДНЫЙ ДОМ ЛОРИНГОВ

В месяце июле лета Господня одна тысяча триста сорок восьмого между днем святого Бенедикта и днем святого Суизина¹ произошло в Англии дотоле невиданное, ибо поднялась на востоке страховидная багровая туча, изнутри бурлящая, исполненная зла, и за клубилась вверх по замершему небосводу. В тени сей невиданной тучи листья на деревьях поникали, птицы смолкали, а коровы и овцы боязливо жались к изгородям. Жуткая мгла окутала страну, и люди не спускали глаз с невиданной тучи, а сердца их тягостно сжимались. В испуге они укрывались в церквях и, дрожа, получали благословение и отпущение грехов от дрожащих священнослужителей. А снаружи — ни крика птицы, ни лесных шорохов, ни других простых и привычных звуков. Все замерло, ничто не шевелилось, и только огромная туча, клубясь, ползла вверх от черного горизонта. На западе еще голубело небо, но зловеющий вал продолжал чуть заметно катиться с востока вверх и вперед, пока не заволок последние проблески голубизны и весь необъятный купол небес не навис над землей тяжелым свинцовым сводом.

И тут пошел дождь. Он шел весь день, и всю ночь, и всю неделю, и весь месяц, — и люди позабыли, как выглядят небесная синева и солнечный свет. Он не был проливным, а только непрерывным, холодным, нескончаемым, и люди изнемогали от его шороха и всплесков, от размеренного стука капель, падающих с кровли. А густая злая туча все клубилась и клубилась с востока на запад, проливаясь нескончаемым дождем. И сквозь завесу его струй люди, стоя на пороге своих жилищ, видели не дальше полета стрелы. Каждое утро они искали взглядом разрыв, в который проглянуло бы солнце, но видели лишь все ту же свинцовую пелену, и в конце концов они

¹ 15 июля. — *Здесь и далее примеч. перев.*

перестали смотреть вверх, отчаявшись дожидаться перемены. Дождь шел в день Петра в веригах и на Успенье и продолжал идти в Михайлов день¹. И травы пропитались влагой, почернели и сгнили на полях и лугах, потому что убирать их не имело смысла. Овцы передохли, и телята тоже, и когда подошел Мартынов день², а с ним и время солить мясо на зиму, засаливать оказалось нечего. Люди страшились голода, но ждало их испытание страшнее, чем голод.

Ибо дождь наконец перестал и слабое осеннее солнце озарило пропитанную водой полужидкую землю. Леса дымкой окутали вредоносные испарения и запахи мокрой гниющей листвы. На полях и лугах выросли чудовищные поганки, ни по величине, ни по цвету не имевшие себе никакого подобия — багряные, сизые, желчно-желтые, черные. Казалось, изнемогшая земля покрылась гнойниками. Стены заросли плесенью и лишайниками. А вместе с этими гнусными плодами захлебнувшаяся водой земля взрастила Смерть. Умирали мужчины, и женщины, и дети — барон у себя в замке, вольный хлебопашец у себя в усадьбе, монах в аббатстве и крепостной в глиняной мазанке. Все дышали одним смрадом, и всех губила одна моровая язва. Никто из сраженных ею не выздоровел, и все заболели и умирали одинаково — огромные нарывы, бред и черные пятна, отчего и назвали этот мор Черной Смертью. Всю зиму у дорог валялись гниющие трупы, их некому было похоронить. Во многих деревнях в живых не осталось ни единого человека. Наконец наступила весна, неся с собой солнечный свет, здоровье, веселье и смех, — самая зеленая, самая душистая, самая ласковая весна, какую когда-либо видела Англия. Но увидела ее лишь половина Англии — вторую половину унесла огромная багровая туча.

Однако именно в этих испарениях смерти, в этом смраде гниения родилась новая, более светлая, более свободная Англия. В этот самый темный час блеснул первый луч занимающейся зари. Ибо лишь великие потрясения и перемены могли вырвать нацию из железных цепей феодальной системы, сковавшей ее по рукам и ногам. Год смерти вызвал к жизни новую страну. Бароны погибли сотнями и тысячами — ведь ни самые высокие башни, ни самые глубокие рвы не могли укрыть их от косы Черной простолюдинки. Жесткие законы утратили силу, потому что некому было приводить их в исполнение, а снова наложить раз сброшенные цепи оказалось

¹ 1 августа, 15 августа, 29 сентября.

² 11 ноября.

невозможным. Работник больше не хотел быть рабом. Крепостной разорвал опутавшие его узы. Дела предстояло так много, а тех, кто мог его выполнить, осталось так мало! И эти немногие должны были стать свободными, сами назначать плату за свой труд и работать там и на того, как хотелось им. Черная Смерть расчистила путь для великого восстания тридцать лет спустя, которое сделало английского крестьянина самым свободным по сравнению с остальными его собратьями в тогдашней Европе.

Но вряд ли в те дни нашлось бы даже несколько дальновзорких людей, способных увидеть, что и это зло обернется добром, как бывает всегда. Горе и разорение постигли каждую семью. Павший скот, неубранный хлеб, невспаханные поля... все источники благосостояния пересохли одновременно. Богатые стали бедными, но те, что уже были бедны, попали в поистине безвыходное положение, а тем более если их обременяла необходимость поддерживать достоинство своего благородного рода. По всей Англии дворян подстерегала нищета — ведь у них не было иного ремесла, кроме войны, и жили они чужим трудом. Многие поместья оказались на краю гибели, и особенно поместье Тилфорд, с давних времен принадлежавшее благородному роду Лорингов.

Было время, когда Лоринги держали земли от Норт-Даунсов до Френемских озер, когда их мрачный донжон, вздымающийся над пойменными лугами реки Уэй, был оплотом самой грозной крепости между Гилфордским замком на востоке и Винчестером на западе. Но начались баронские войны, и король воспользовался своими подданными, происходившими от англосаксов, как бичом, чтобы привести к повиновению свою нормандскую знать, и замок Лоринг, подобно многим знаменитым крепостям, сровняли с землей. С той поры Лоринги, чьи владения были беспощадно урезаны, жили в господском доме, куда прежде удалялась овдовевшая хозяйка замка, уступая место супруге нового главы рода. Концы с концами они сводили, но от былой пышности не осталось и помина.

А затем цистерцианские монахи Уэверлийского монастыря по совету затеяли с ними тяжбу, вознамерившись отобрать у них лучшие земли и присвоить феодальные права на остальные — вплоть до прекария и турбария. Великий процесс длился много лет; когда же решение было вынесено, церковники и законники поделили между собой наиболее лакомые куски, а Лорингам остался старый господский дом, откуда из поколения в поколение на очередную войну отправлялся рыцарь поддержать честь родового имени и по-

казать врагам пять алых роз на серебряном поле там, где они их видели всегда, — в первом ряду авангарда. В маленькой часовне, где Мэттью, домашний капеллан, каждое утро служил мессу, покоились двенадцать бронзовых рыцарей — надгробия двенадцати членов рода Лорингов. У двоих ноги были скрещены в знак их участия в Крестовых походах. Еще шестеро опирались стопами на львов, как павшие в битве. И лишь у ног четверых лежали бронзовые охотничьи псы, свидетельствуя, что их хозяева скончались в дни мира.

В году от Рождества Христова 1349-м имя этого прославленного, но обедневшего рода, вдвойне разоренного законом и чумой, носили лишь двое — благородная дама Эрминтруда Лоринг и ее внук Найджел. Супруг леди Эрминруды пал под Стерлингом, отражая натиск шотландских копеечников, а ее сын Юстес, отец Найджела, доблестно погиб за девять лет до начала этой хроники на корме нормандской галеры в морском сражении при Слейсе. Одинокая старуха, столь же яростная и сумрачно гордая, как сокол в клетке у нее в опочивальне, была ласкова только с юношей, которого взрастила. Вся любовь и нежность, так глубоко спрятанные в ее натуре, что никто о них даже не догадывался, были отданы ему. Она не желала расставаться с ним, а он, почитая старшую в роде, как того требовали обычаи века, не мог никуда уехать без ее согласия и благословения.

И вот Найджел, с сердцем льва в груди и кровью сотен воинов, бурлящей в его жилах, на двадцать втором году жизни без толку коротал томительные дни, наманивал пущенных в небо соколов, надевая на них путы и клубочки, или обучал охотничьих псов, которые делили с хозяевами большую залу.

День за днем престарелая леди Эрминтруда видела, как он крепнет и мужает. Некоторый же недостаток роста искупался железными мышцами и пламенным духом. Отовсюду — от коменданта Гилфордского замка, с ристалища Фарнема — до нее доходили вести о том, какой он смелый наездник, как он беззаветно храбр, как искусно владеет любым оружием, и все-таки она, кого кровавая смерть лишила супруга и сына, не могла вынести мысли, что последний из Лорингов, единственная уцелевшая почка прославленного старого древа, разделит ту же судьбу. Изнывая душой, но сохраняя улыбку на лице, Найджел терпел свою монотонную жизнь, а его бабушка все откладывала и откладывала злой час разлуки: вот когда кончится недород, вот когда монахи Уэверли вернут то, что присвоили, вот когда его дядя умрет и оставит ему деньги, чтобы он мог достойно

снарядить себя, вот когда... ну, словом, она ссылалась на любой предлог, лишь бы удержать его возле себя.

Но и правда, Тилфорду требовался хозяин, потому что мир между аббатством и господским домом восстановлен не был и монахи находили то один, то другой предлог отрезать у своих соседей еще один ломоть их земли. На том берегу извилистой реки над зелены-

ми лугами высились тяжелая квадратная башня и мощные серые стены угрюмого аббатства, где днем и ночью звонил колокол, точно беспрестанно угрожая маленькому поместью.

И эта хроника дней былых должна начаться в самом сердце богатого цистерианского монастыря: мы расскажем о вражде между монахами и домом Лорингов, о тех событиях, к которым она привела, опишем приезд Чандоса, небывалый поединок у тилфордского моста и подвиги Найджела на войне, снискавшие ему славу. В хронике «Белого отряда» уже описано, каким человеком был Найджел Лоринг. Те, кому он пришелся по сердцу, могут прочесть здесь, как и почему он стал таким. Отправимся же вместе в прошлое и обозрим зеленую сцену Англии. Декорации — холм, равнина, река — совсем такие, как нынче, актеры же во многом неотличимы от нас самих, а во многом и в мыслях, и в поступках столь от нас далеки, будто обитали они на иной планете.

Глава II

КАК ДЬЯВОЛ ЯВИЛСЯ В УЭВЕРЛИ

День был первое мая, день святых апостолов Иакова и Филиппа. Год же был одна тысяча триста сорок девятый от Рождества Спасителя нашего.

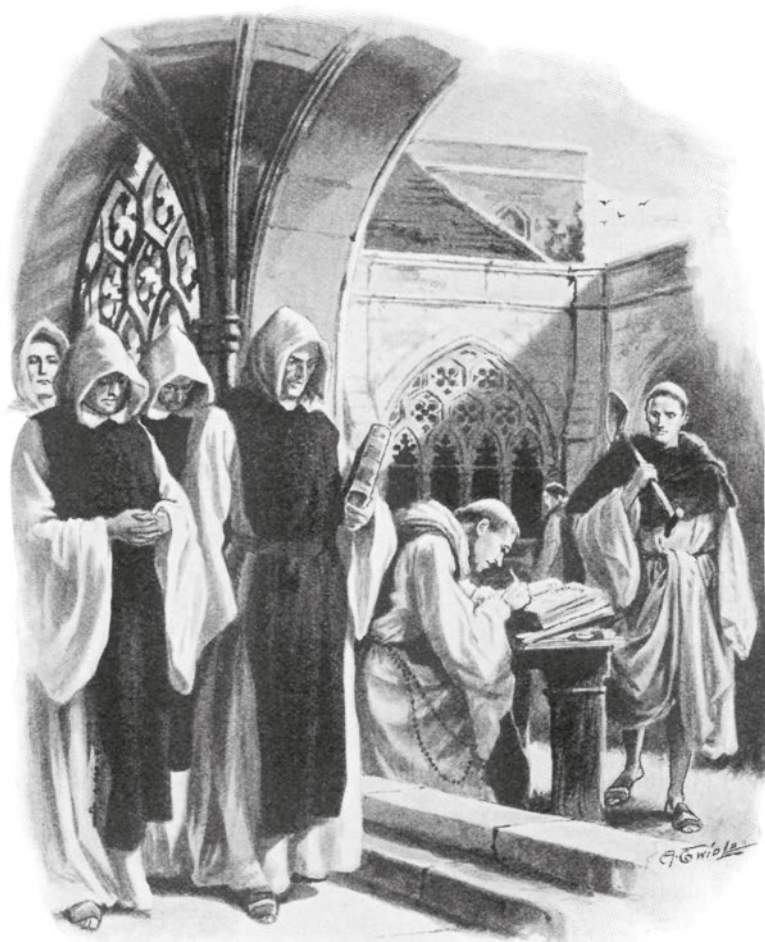
После девятичасовой молитвы и до полуденной, а потом после полуденной молитвы и до трехчасовой аббат Джон, настоятель Уэверлийской обители, занимался делами у себя в приемной, исполняя многотрудные обязанности, возложенные на него вместе с саном. На много миль вокруг на юг и на север, на запад и восток раскинулись плодородные земли процветающего монастыря, всевластным хозяином которого он был. В самом их сердце поднимались массивные здания аббатства — церковь и кельи, трапезная, странноприимный дом и дом капитула, полные хлопотливой жизни. За распахнутыми окнами слышались приглушенные голоса братьев, которые прохаживались по аркаде внизу, занятые благочестивой беседой. С той стороны внутреннего двора доносились переливы духовного песнопения — там регент разучивал его с хором, а зычный голос брата Питера гремел в доме капитула, где он растолковывал послушникам устав святого Бернарда.

Аббат Джон поднялся, чтобы размять затекшие ноги. Он обвел взглядом зеленеющую траву и изящные готические арки открытой

галереи, под сводом которой прогуливались братья. Облаченные в черно-белые одеяния, склонив головы, они медлительным шагом попарно описывали круг за кругом. Наиболее усердные принесли из скриптория свои рукописи, разложили под ласковым солнцем свои дощечки с красками и сусальным золотом и, сутуля плечи, склонялись над белыми листами бумаги. А неподалеку расположился чеканщик со своими резцами. Хотя ученость и искусства не были у цистерцианцев в той же чести, как у ордена бернардинцев, из которого они выделились, библиотека Уэверли могла похвастать множеством как бесценных книг, так и благочестивых ревнителей книжной мудрости.

Однако истинную славу свою цистерцианцы видели в трудах под открытым небом, и по галерее, возвращаясь с полей или из сада, то и дело проходили братья-трудники, чьи лица были обожжены солнцем, ряссы подсушены, а руки сжимали выпачканные в земле мотыги или лопаты. Сочные пойменные луга, где паслись тонкорунные овцы, хлебные поля, отвоєванные у вереска и папоротника, виноградники на южном склоне холма Круксбери, цепь рыбных садков, осушенное, превращенное в огороды болото, вместительные голубятни опоясывали величавое аббатство как видимые доказательства его обитателей.

Круглое румяное лицо аббата, пока он оглядывал свое внушительное хозяйство, светилось тихим довольством — такой образцовый царил везде порядок. Как всякий глава богатой обители, аббат Джон — четвертый настоятель, носивший это имя, — был наделен многими талантами и достоинствами. Через посредство им самим выбранных помощников он управлял обширным имением и держал в строгости и благочинии многочисленных обитателей монастыря, удалившихся туда от житейских соблазнов. С теми, кто был ему подчинен, он был суровым и требовательным начальником, но с теми, кто стоял выше его, — ловким и обходительным дипломатом. Он вел ученые беседы с соседними аббатами и лордами, с епископами и папскими легатами, а порой и с его величеством королем. Он должен был разбираться в самых разных предметах — ведь ему приходилось выносить решения и по вопросам церковной доктрины, и по вопросам земледелия, архитектуры, охраны лесов, осушения болот и соблюдения феодального права. Он олицетворял собой правосудие во всех держаниях аббатства, которые охватывали немалую часть Гемпшира и Суррея. Монахам его неудовольствие грозило долгой епитимьей, ссылкой в более строгую обитель или даже

темницей и цепями. И мирян он мог подвергнуть любой каре, кроме смерти телесной, зато в его власти было отлучить их от церкви, то есть обречь на гибель духовную, куда более страшную.

Таково было могущество аббата, и неудивительно, что его румяное лицо несло печать власти и что монахи, подняв глаза и увидев в окне это лицо, потуплялись еще смиреннее, а выражение их становилось еще благочестивее.

Стук в дверь напомнил аббату о сиюминутных заботах, и он вернулся к своему столу. Он уже беседовал нынче с келарем и коадью-

тором, с подателем милостыни, капелланом и чтецом, но теперь, в ответ на его разрешение, в дверь вошел высокий тощий монах, самый важный и самый доверенный из его помощников, брат Сэмюэл, ключарь, обязанности которого в миру соответствовали обязанностям управителя, так что материальное благополучие монастыря и сношения с суетным светом находились полностью в его ведении. Во всем, что касалось их, он поступал по своему усмотрению, отвечая только перед аббатом. Брат Сэмюэл был жилистым стариком с узловатыми руками, острые черты его хмурого лица не озарялись светом духовным и отражали лишь вечную озабоченность суетными мирскими делами и хлопотами. Под мышкой он нес толстую счетную книгу, в другой руке сжимал тяжелую связку ключей — знак его должности, а также в минуты раздражения и орудие наказания, как свидетельствовали шрамы на головах многих вилланов и братьев-трудников.

Аббат устало вздохнул, потому что и ему приходилось терпеть немало мучений от своего усердного управителя.

— Так что же привело тебя сюда, брат Сэмюэл? — осведомился он.

— Святой отец, я пришел доложить, что продал шерсть мастеру Болдуину в Винчестере на два шиллинга за тюк больше, чем в прошлом году, потому что из-за падежа овец цена повысилась.

— Ты поступил похвально, брат Сэмюэл.

— Еще я должен доложить тебе, что выселил лесника Уота из его дома. Он не уплатил рождественский оброк и прошлогодние недоимки за кур.

— У него, брат Сэмюэл, жена и четверо детей.

Аббат был добродушным человеком, хотя легко уступал настояниям своего не столь мягкосердечного ключаря.

— Истинно так, святой отец. Но если я спущу ему, как же мне взыскивать недоимки с лесников Путтенема или вилланов в деревнях? О таком снисхождении сразу узнают повсюду, и что тогда останется от богатств Уэверли?

— Что еще, брат Сэмюэл?

— Рыбные садки, святой отец.

Лицо аббата посветлело. Тут он был знатоком. Устав ордена отказывал ему во многих радостях жизни, а потому он весьма ценил те, которые были дозволены.

— Как там форель, брат Сэмюэл?

— Форель благоденствует, святой отец. Но в садке, где содержится рыба для твоего стола, не осталось ни одного карпа.

— Карпам требуется галечное дно. И пускать их в садок необходимо в точной пропорции — три самца на одну самку, брат ключарь, а место для садка нужно выбрать безветренное, каменистое и песчаное, и рыть на глубину двух локтей, и чтобы по берегам были ивы и трава. Ил для линя, брат Сэмюэл. А для карпа — галька.

Ключарь наклонился к нему, как вестник скорби.

— В садке с карпами завелись щуки, — сказал он.

— Щуки! — вскричал аббат в ужасе. — Да лучше уж пустить волка в нашу овчарню. Но как могла попасть щука в садок? Никаких щук весной там не было, а щуки не падают с дождем и не выныривают из источников. Садок необходимо осушить, не то в Великий пост нам придется есть вяленую рыбу и всю братию поразит тяжкая хворь, прежде чем Светлое Воскресенье положит конец нашему воздержанию.

— Садок будет осушен, святой отец. Я уже отдал распоряжение. В ил мы посадим душистые травы для нашего стола, а когда срежем их, снова наполним верхний садок водой и рыбами из нижнего — пусть жиреют, объедаая оставшиеся стебли.

— Превосходно! — воскликнул аббат. — По-моему, в каждом хорошем хозяйстве надобно иметь три садка — осушенный под травы, мелкий под мальков и молоди и глубокий под взрослых рыб, а их часть брать для стола, остальных же оставлять плодиться. Но ты не ответил мне, как могли попасть щуки в монастырский садок?

Гримаса ярости исказила угрюмое лицо ключаря, и его костлявые пальцы так сжали связку ключей, что они звякнули.

— Желторотый Найджел Лоринг! — сказал он. — Мальчишка поклялся чинить нам вред, и вот его месть.

— Откуда тебе это ведомо?

— Полтора месяца назад он изо дня в день удил щук в большом Френемском озере. Его там видели. А потом его дважды встречали по ночам на Хэнклейском холме. Под мышкой он нес связку соломы. И уж конечно, солома была мокрая, а внутри связки лежала живая щука.

Аббат покачал головой:

— Я слышан о необузданности этого юноши, но теперь, если ты говоришь правду, он перешел все пределы. Достаточно дурно было и то, что он, по слухам, охотился на королевских оленей в Вулмерском лесу, а также проломил голову разносчику Хоббсу, который неделю пролежал между жизнью и смертью у нас в лазарете, и спасло его только искусство брата Питера, лечащего травами.

Но пустить щуку в монастырский садок... что могло толкнуть его на столь дьявольское дело?

— Он же ненавидит Уэверлийское аббатство, святой отец, за то, что мы, дескать, завладели землями его родителя.

— Но ведь сие отчасти правда.

— Святой отец! Мы владеем только тем, что нам принадлежит по закону.

— Справедливо, брат Сэмюэл, однако, говоря между нами, бывает, что более тяжелый кошелек перевешивает чашу весов правосудия. Когда я проезжал мимо старого дома и видел старуху с морщинистым лицом, чьи злобные глаза шлют мне проклятия, которые произнести вслух она не смеет, то не раз желал, чтобы у нас были другие соседи.

— Желание твое, святой отец, мы скоро исполним. Об этом я как раз и собирался доложить тебе. Нам, несомненно, не составит труда изгнать их из здешних мест. Над ними ведь висит неуплата щитовых денег за тридцать лет, а стряпчий Уилкинс по моему поручению составит такой перечень причитающихся с них платежей, что придется этим гордецам, чья нищета равна их высокомерию, продать крышу у себя над головой, лишь бы расплатиться. Не долее чем через три дня они будут у нас в руках.

— Они принадлежат к старинному и славному роду, брат Сэмюэл. Я не хотел бы обойтись с ними слишком сурово.

— Вспомни о щуках в рыбном садке!

Аббат вспомнил, и сердце его ожесточилось.

— Деяние поистине дьявольское — мы же только-только пустили туда новых форелей и карпов. Ну что же, закон есть закон, и, если ты сумеешь обратить его им во вред, нарушения его в том не будет. А уплаты от них уже потребовали?

— Дикон, управитель, вчера ходил в господский дом с двумя своими помощниками, и они еле унесли ноги. Бежали во всю прыть с воплями, а этот бешеный сорвиголова гнался за ними по пятам. Он ростом мал и на вид щуплый, но от ярости силы его удесятяряются. Управитель клянется, что пойдет туда снова, только если с ним пошлют пяток лучников.

Услышав об этой новой дерзости, аббат побагровел от гнева:

— Я покажу ему, что служители церкви, хотя среди ее детей и нет никого смиренней и ниже нас, тех, кто следует заветам святого Бернарда, способны постоять за своих против дерзких насильников! Иди вызови этого человека в суд аббатства! Пусть явится в дом капитула после утренней молитвы.

Но осмотрительный ключарь покачал головой:

— Нет, святой отец, время еще не пришло. Прошу тебя, дай мне три дня, чтобы собрать все обвинения против него. Не забудь, что дед и отец этого непокорного сквайра в свое время слыли лучшими рыцарями на службе самого короля, были в большой чести у него и, снискав славу, пали, исполняя рыцарский долг. А леди Эрминтруда Лоринг была первой дамой при дворе матери нашего государя. Роджер Фиц-Алан, владелец Фарнема, и сэр Хью Уолкотт, комендант Гилфордского замка, оба были товарищами по оружию отца Найджела и состоят с ним в родстве по материнской линии. Уже шли разговоры, что мы обошлись с ними без милосердия. А потому мой совет — мудро выждать, пока чаша дурных его деяний не переполнится.

Аббат открыл было рот, чтобы ответить, но тут их беседу прервали неподобающе громкие восклицания монахов в галерее под окном. Возбужденные вопросы и ответы разносились по двору. Ключарь и аббат в изумлении уставились друг на друга, пораженные тем, что вышколенная ими братия позволяет себе подобное нарушение монастырской дисциплины и благопристойности. Но в ту же минуту на лестнице послышались торопливые шаги, дверь распахнулась, и в нее вбежал белый как мел монах.

— Отче аббат! — возопил он. — Увы! Увы! Брат Джон убит, и святой помощник коадьютора убит, а на пятиvirгатном поле бесчинствует дьявол!

Глава III ЗЛАТОЙ КОНЬ ИЗ КРУКСБЕРИ

В те простодушные времена жизнь являла собой чудо и глубокую тайну. Человек ходил по земле в трепете и боязни, ибо совсем близко над его головой находились Небеса, а под его ногами совсем близко прятался Ад. И во всем ему виделась рука Божья — и в радуге, и в комете, и в громе, и в ветре. Ну а дьявол в открытую бесчинствовал на земле. В сумерках он устраивал засаду позади живой изгороди, он зычно хохотал в ночном мраке, он рвал когтями грешника на смертном одре, хватал некрещеного младенца и сводил судорогой члены эпилептика. Гнусный враг рода человеческого вечно тайлся за плечом человека, нашептывал ему черные помыслы,

Дойл А. К.
Д 62 Сэр Найджел ; Белый отряд ; Изгнанники : романы / Артур
Конан Дойл ; пер. с англ. И. Гуровой, Г. Злобина, В. Скороде-
нко, В. Станевич. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА,
2026. — 1072 с. : ил. — (Мир приключений. Большие книги).

ISBN 978-5-389-31581-5

Английский писатель Артур Конан Дойл — непревзойденный мастер детективного и историко-приключенческого жанра. Многие персонажи, вышедшие из-под его пера, обрели поистине грандиозную известность: это и гениальный сыщик Шерлок Холмс со своим верным спутником доктором Ватсоном, и неугомонный бригадир Жерар, и эксцентричный профессор Челленджер... В ряду прославленных героев Конан Дойла далеко не последнее место занимает английский рыцарь сэр Найджел Лоринг, с которым читатель встретится на страницах исторических романов «Сэр Найджел» и «Белый отряд», повествующих о событиях XIV века и Столетней войне между Англией и Францией, об эпохе кровопролитных битв, благородных рыцарей и прекрасных дам. Роман «Изгнанники», также включенный в издание, считается эталоном приключенческой литературы наравне с лучшими книгами Александра Дюма, Вальтера Скотта и Фенимора Купера. Действие романа происходит в эпоху правления Людовика XIV. Первая часть посвящена дворцовым интригам, в центре которых тайное поручение короля, мечтающего о браке с самой умной женщиной Франции госпожой де Ментенон. Вторая часть повествует о невероятных приключениях в дебрях загадочной Америки, куда главные герои, исполнив волю короля, вынуждены бежать от карающей руки закона.

В книге использованы иллюстрации Артура Твидла, Ньюэлла Конверса Уайета и Туре де Тулструпа.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

АРТУР КОНАН ДОЙЛ
СЭР НАЙДЖЕЛ
•
БЕЛЫЙ ОТРЯД
•
ИЗГНАННИКИ

Ответственный редактор Оксана Прилежаева
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Мария Антипова
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова, Александра Сабурова
Корректоры Лариса Ершова, Татьяна Бородулина, Валерий Камендо

Подписано в печать / Баспага қол қойылды 06.04.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 65,66. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68 Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский даңғылы, 68-үй Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

A-MPB-40841-01-R